

Паломничество Холмскихъ крестьянъ въ г. Кіевъ *)

Руководимая мною паломническая группа прибыла въ Кіевъ 13-го ноября 1910-го года, въ восемь часовъ вечера. Путь отъ Холма въ Кіевъ мы совершили благополучно и даже пользуясь во время пути общепассажирскимъ комфортомъ: насъ устроили въ вагонъ третьяго класса почтоваго поѣзда прямого сообщенія „Варшава-Кіевъ“. Къ такой роскоши паломники изъ Холмщины не привыкли. Обыкновенно паломниковъ устраиваютъ въ поѣздахъ четвертаго класса съ возмутительнымъ черепашиимъ ходомъ, съ многочисленными пересадками и тоскливо-продолжительными стоянками на станціяхъ. Бывали возмутительные случаи, когда паломники по полусутокъ томились на вокзалахъ, тщетно выжидая „своего“ поѣзда;

*) Настоящее описаніе паломничества прислано было рапортомъ на имя Преосвященнѣйшаго Владиміра, Епископа Вѣлостокскаго, по резолюціи коего и печатается.

бывало, что руководители паломническихъ группъ вынуждаемы были сноситься по телеграфу съ министромъ, и только вмѣшательство министра помогало паломникамъ тронуться въ путь. Тутъ, какъ и всюду, на нашемъ пути стоятъ наши вѣковые враги-поляки, наводнившіе собою русское желѣзнодорожное вѣдомство и тормозящіе, гдѣ это только для нихъ возможно, всякое русское дѣло.

Весь секретъ нашего „поѣздного благополучія“ кроется въ напутственныхъ словахъ Вашего Преосвященства, сказанныхъ мнѣ передъ отъѣздомъ изъ Холма: „передайте мой поклонъ начальнику станціи Холмъ и попросите его отъ моего имени, чтобы онъ, какъ можно удобнѣе, устроилъ паломниковъ въ путь“. Вотъ почему начальникъ станціи, правда, дѣйствительно русскій человѣкъ, такъ предупредительно отнесся къ нашимъ удобствамъ.

Въ Кіевѣ трамвай доставилъ насъ въ Лавру. Блуждая въ трамваѣ публика заинтересовалась нами, въ особенности, когда ей стало извѣстно, что мы изъ Холмщины. Завязался оживленный разговоръ, въ которомъ весьма часто упоминалось имя Преосвященнаго Евлогія, какъ имя неразрывно связанное съ понятіемъ о Холмщинѣ, слышались возгласы сочувствія по адресу Холмско-Подляшскаго народа, и видно было, что Кіевляне не перешли въ кадетскую вѣру, а что напротивъ горячо принимаютъ къ сердцу судьбу русскаго окраиннаго народа.

Но вотъ мелькнули св. ворота, и мы въ Лаврѣ. Завявши въ контору Лаврской „страннопріимницы“, мы были размѣщены для ночлега въ удобныхъ и теплыхъ помѣщеніяхъ. Лаврскіе насельники приняли насъ весьма радушно: насъ накормили, напоили и всячески готовы были услужить намъ. Я долженъ сказать, что за все время нашего трехдневнаго пребыванія въ Лаврѣ мы чувствовали себя прекрасно: для насъ былъ готовъ „и столъ и домъ“, и мы свободно и безопасно могли отдаться своимъ духовнымъ переживаніямъ. Руководитель и паломники не забудутъ сердечнаго лаврскаго приѣма и мысленно всегда будутъ посылать о. намѣстнику Лавры самую искреннюю благодарность за сердечное радушіе и безвозмездное гостепріимство Великой обители. Къ этому могу прибавить, что изъ Лавры мы вынесли самыя лучшія и свѣтлыя впечатлѣнія Кіевскаго паломничества.

Лаврское богослуженіе произвело на насъ огромное впечатлѣніе. Какъ величественно-истово, какъ чинно-привлекательно идетъ тамъ служба Богу! Невольно уносишься подъ впечатлѣніемъ ея куда-то высоко, въ надземныя выси, и чудится, что этимъ молитвеннымъ уставомъ руководятъ небожители, бессмертные свв. Антоній и Теодосій и прочіе чудотворцы Печерскіе, отдавшіе Лаврѣ всѣ силы души и тѣла. Захватываетъ всю душу человѣка богослуженіе въ Лаврской Великой церкви; тутъ имѣетъ значеніе и прекрасное внятное и раздѣльное чтеніе, и великолѣпное могучее пѣніе, которое столько бодрости вливаетъ въ души молящихся, и благолѣпіе храма, и обильное освѣщеніе,—все это въ совокупности сильно дѣйствуетъ и захватываетъ. Для земныхъ чувствованій нѣтъ мѣста въ душѣ. Повинуясь высшимъ порывамъ духа, молящійся людъ застылъ, и только глаза выдають высокій духовный подъемъ, и, странное дѣло, эти глаза всѣхъ молящихся устремлены въ одну точку. Я слѣжу за этими пламенными взорами и вижу въ вышинѣ иконостаса, въ огромномъ золотомъ сіяніи во свѣтѣ лампадъ, въ блескѣ и игрѣ драгоценныхъ камней икону, гордость Лавры, ея лучшее украшеніе. Умѣстно здѣсь вспомнить характерный разговоръ изъ давноминувшаго. Когда въ 18-мъ вѣкѣ пожаръ уничтожилъ всѣ строенія Кіево-Печерской Лавры и когда объ этой бѣдѣ доложили Императору Петру I-му, то онъ только спросилъ: „а икона цѣла?“ Отвѣтили—„цѣла“; „ну такъ и Лавра цѣла!“ лаконично сказалъ великій Императоръ; онъ понималъ значеніе великой лаврской святыни.

Трогательная исторія Лаврской святыни, обиліе чудесъ, источаемыхъ ею,—вотъ въ чемъ притягательная сила иконы. Удивительно ли, что глаза молящагося народа, какъ бы магнитомъ, прикованы къ ней; удивительно ли, что глаза необъятной вѣрующей Россіи въ минуты испытаній устремляются сюда же?

До глубины души трогаетъ вѣрующаго человѣка моментъ спуска иконы для благоговѣйнаго лобзанія. Тихо на шолковыхъ шнуркахъ скользитъ икона внизъ, слышится своеобразный полный умиленности монастырскій напѣвъ „подъ Твою милость“, и чѣмъ-то бодрящимъ вѣ-

еть отъ этого цѣнія, какія-то сладкія надежды просятся въ душу, и жалко, искренно жалко, когда поневолѣ приходится отвлечь вниманіе къ чему-либо другому. Сколько страстной вѣры, надежды, мольбы выражаютъ тогда глаза стоящаго на колѣняхъ народа! Трудно забыть этотъ моментъ!

Богослуженіе въ Великой Успенской Церкви всецѣло захватываетъ паломническую душу, пещеры же съ ихъ нетлѣнными мощами свв. угодниковъ Божіихъ наводятъ паломника на глубокія благоговѣйныя думы; богослуженіе затрагиваетъ сердце и волю, пещеры кромѣ того даютъ пищу разуму. Въ самомъ дѣлѣ! Мнѣ случилось однажды видѣть останки человѣка спустя годъ послѣ смерти, и я „видѣхъ кости обнажены“. Въ пещерахъ же съ разрѣшенія о. намѣстника мы видѣли непокровенную руку преподобнаго Спиридона Просфорника, около восьмисотъ лѣтъ тому назадъ преставившагося, и рука святаго совершенно не тронута временемъ; — по истинѣ „не даси преподобному Твоему видѣти истлѣнія“. Цѣлый сонмъ праведниковъ, нетлѣнно почивающихъ въ пещерахъ Кіево-Печерской Лавры, будить благочестивыя думы въ душахъ вѣрующихъ.

Поддаваясь впечатлѣнію при видѣ святой плеяды пещерныхъ подвижниковъ, которымъ Господь „не далъ видѣти истлѣнія“, наша беспочвенная интеллигенція реагируетъ слѣдующимъ образомъ. Говорятъ: „да, былъ золотой вѣкъ въ исторіи нашего монашества русскаго, но между этимъ золотымъ вѣкомъ и современнымъ монашествомъ нѣтъ генетической связи; перевелись на Руси подвижники.“

Беспочвенность такого сужденія обуславливается недостаточной вдумчивостью и отсутствіемъ всякой наблюдательности, или, вѣрнѣе сказать, нежеланіемъ вдумываться и наблюдать. А нужно только отбросить предвзятость, чтобы видѣть. Въ томъ же Печерскомъ монастырѣ я былъ у исповѣди у схимонаха. Грубо и просто обставлена его землянка, но за то сколько симпатичности въ ея хозяйнѣ. На меня глянуло старческое лицо, свѣтящееся неподдѣльной добротой: умные глаза блистали святостью, просто и сердечно было его слово духовнаго на-

ставленія, и я сказалъ: есть связь между „золотымъ вѣкомъ„ и современностью; этотъ схимникъ, отрекшійся отъ міра не есть ли связующее звено въ непрерывной цѣпи подвижничества,—это одинъ примѣръ. Въ Великой Успенской церкви во время утрени я видѣлъ монаха; онъ стоялъ у аналоя въ отдѣленіи для жертвенника и перелистывалъ какую-то большого формата книгу въ старомъ переплетѣ съ пергаментными страницами; онъ былъ въ мантии, длинные волосы спадали до пояса. Когда я увидѣлъ его лицо, то былъ пораженъ видомъ его; это было лицо аскета, длинное, страшно худое и темно-желтое; глубоко впавшіе темные глаза свѣтились изъ глубины орбитъ неземнымъ блескомъ; я сказалъ тогда, нѣтъ, „не оскудѣ преподобный“, есть связь между пещерами и современнымъ монашествомъ. Конечно, какъ и въ пресловутый золотой вѣкъ не всѣмъ монашествующимъ Господь далъ вѣнецъ святости, такъ и въ наши времена не всѣ заслужатъ удѣла „не видѣти истлѣнія“.

Поклонившись святынямъ Печерскаго монастыря, мы въ сопровожденіи провожатаго — послушника, даннаго намъ конторою Лавры, отправились по другимъ монастырямъ и церквамъ, въ большомъ количествѣ украшающимъ разные уголки „матери городовъ русскихъ“. Благолѣпіе и богатства Кіевскихъ храмовъ служили предметомъ неподдѣльнаго восхищенія моихъ крестьянъ. Пользуясь случаемъ, я рассказалъ моимъ паломникамъ, какъ похваляются латинскіе ксендзы, говоря о святыняхъ Кіева и богатствахъ его храмовъ. Они говорятъ: „дать намъ богатства и святыни Кіева, мы бы весь русскій народъ завели въ царствіе небесное“. Неожиданно одинъ изъ паломниковъ далъ слѣдующую реплику: „было бы то, что и въ Ченстоховѣ; не едѣнъ Мацохъ пожилъ бы собі“. Этотъ находчивый отвѣтъ мнѣ понравился, ибо паломники самостоятельно пришли къ тому заключенію, которое я хотѣлъ вывести изъ бахвальства ксендзовъ. Тутъ важенъ тотъ фактъ, что наши крестьяне значительно созрѣли въ православномъ самосознаніи и вполне здраво реагируютъ на темныя событія въ католическомъ мірѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

III.

Паломничество Холмских крестьянъ въ г. Кіевъ.

(Окончаніе).

Вотъ, мы у гробницы славнаго полководца графа Румянцева читаемъ эпитафію: „Внемли, Россѣ, предъ тобой гробъ графа Задунайскаго!“ Лаконизмъ эпитафіи производитъ сильное впечатлѣніе, и передъ нашимъ мысленнымъ взоромъ проходятъ блестящія страницы царствованія Великой Екатерины, страницы расцвѣта могущества роднаго народа. А вотъ гробъ князя К. Острожскаго, и опять не менѣе отрадныя страницы героической борьбы западно-русскаго народа съ унией, борьбы такъ близкой и знакомой намъ. Вѣчная память сіятельному защитнику православной вѣры!

Мы долго стоимъ у рѣшетки около гробницы Кочубея и Искры, такъ жестоко-ошибочно погубленныхъ, и чувство тоскливое сжимаетъ наше сердце и хочется послать кому-то слово укоризны за допущенную несправедливость, но что дѣлать: хоть и Великъ былъ Петръ, но былъ все-таки человѣкъ, и какъ таковой склоненъ былъ къ ошибкамъ. Мы видѣли на этой гробницѣ массу вѣнковъ и совершенно свѣжихъ и совсѣмъ ветхихъ, не позволяете ли наличность этихъ вѣнковъ сдѣлать заключеніе о существованіи на Руси большого количества идейныхъ противниковъ „самостійной Украины“? По крайней мѣрѣ, я такимъ образомъ уяснилъ себѣ и паломникамъ наличность вѣнковъ. Сколько зато жизнерадостнаго, сколько отрадной мысли мы находимъ въ памятникѣ Богдана Хмельницкаго съ его краснорѣчивой надписью: „волимъ подъ царя восточнаго, православнаго“. Мы восхищались красотой и могучествомъ славнаго гетмана, а одинъ изъ паломниковъ, кажется изъ Наброжскаго прихода, приглашалъ „батька Хмеля“ въ Наброжь битъ „поляківъ тымъ кіемъ (т. е. булавой), що тримає въ руди“. Но наиболѣе мысли и красоты мы нашли въ памятникѣ Св. Владимиру. Высоко—высоко, „верху горы стоя матери градовъ“ мощная фигура равноапостольнаго князя; высоко поднимаетъ онъ св. крестъ, гляди на „сивый Дніпро“, „Руси чистую купель“, и воскресаетъ въ памяти единственная

картина крещенія кіевлянъ, картина дорогая для всякаго православнаго христіанина, а для русскаго въ особенности. Не прошли мы равнодушнымъ шагомъ и мимо могилы, еще такъ свѣжей, протоіерея Іоанна Наумовича, пригнопамятнаго борца за русскія начала и вѣру православную, славнаго пастыря и учителя-народника. Миръ вамъ и вѣчный покой, славные дѣятели, работники на необъятной нивѣ нашей дорогой родины!

Отдѣльно отъ паломниковъ я посѣтилъ духовную академію съ цѣлью повидать земляковъ, студентовъ-холмичей, и какое отрадное чувство вынесъ я изъ стѣнъ Могилянскои школы. Тамъ усердно работаютъ молодые люди, тамъ подъ сѣнью монастырскихъ крестовъ Братскаго монастыря въ тиши двигается величайшая богословская наука, туда не проникаетъ шумъ политики и социальныхъ проблемъ. Это не то студенчество, которое, не желая учиться политиканствуетъ, устраиваетъ возмутительные дебси вплоть до избіенія профессоровъ и химическихъ обструкцій. Нѣтъ, это студенчество солидное, преданное только одной наукѣ, преданное ей душой и тѣломъ. Я съ отраднымъ чувствомъ вспоминаю студенческую келью, симпатичныхъ хозяевъ ея, милыя ученія объясненія, которыя они давали мнѣ, знакомя меня съ предметомъ своихъ кандидатскихъ сочиненій, какъ при этомъ описаніи увлекались и за собой увлекали и меня,—тепло становилось на душѣ, тепло отъ сознанія, что наша наука имѣетъ хорошихъ слугъ, что духовное студенчество работаетъ, что холмици внушаютъ свѣтлую надежду съ пользой послужить родному народу. Съ гордостью заявляетъ мнѣ одинъ изъ нихъ, что ихъ alma mater—академія есть краеугольный камень всей нашей пастырской работы, ибо они, питомцы академіи, будущіе воспитатели пастырей. Правильно! дай, Господи, въ добрый часъ! Это первое мое личное впечатлѣніе. Второе, о которомъ не могу умолчать, относится къ митрополичьей библіотекѣ.

Туда сводилъ меня одинъ изъ студентовъ; я очень благодаренъ ему за его любезность, ибо удалось увидеть рѣдкую сокровищницу мысли.

Исторія митрополичьей библіотеки весьма интересна и поучительна. Въ продолженіе всей своей высокопочтенной дѣятельности Высокопреосвященный Флавіанъ, нынѣ

Митрополитъ Кіевскій и Галицкій, приобрѣталъ на свои средства книги, и въ результатѣ составила огромная бібліотека въ 15000 томовъ. И вотъ Высокопреосвященный Владыка на свои же средства сооружаетъ въ районѣ Печерскаго монастыря большой двухъ-этажный домъ, помѣщаетъ въ него свою бібліотеку и даритъ ее Лаврѣ. Царскій даръ! Завѣдуетъ бібліотекой чрезвычайно симпатичный о. Михаилъ, іеромонахъ Лавры, который былъ такъ добръ и снисходителенъ, что потерялъ два часа времени, давая намъ объясненія по части той, или другой чѣмъ-либо замѣчательной книги. Въ первомъ этажѣ находится братская бібліотека; тамъ мы застали студента, усердно штудирующаго огромный фоліантъ „Библіи Полиглотты“. Митрополичья бібліотека на второмъ этажѣ зданія. Огромные массивные шкафы шеренгами выстроились въ нѣсколькихъ покояхъ. Полки шкафовъ ломаются отъ драгоцѣнной тяжести, рябитъ въ глазахъ отъ наименованій на корешкахъ, рѣдкія изданія красуются за стекломъ. О. Михаилъ любовно бралъ въ руки замѣчательную чѣмъ-либо книгу и выяснялъ намъ достоинство ея. Видно было, что о. Михаилъ сроднился душой съ этими фоліантами, видно было, что они, эти фоліанты, дороги для него, дороги безкорыстно, какъ дѣти для отца, и было что-то весьма трогательное и привлекательное въ этой иноческой привязанности. А на стѣнахъ бібліотеки цѣлая галерея портретовъ выдающихся дѣятелей. Центральное мѣсто занимаетъ портретъ Высокопреосвященнаго Флавіана.

Въ заключеніе необходимо сказать, паломничества по святымъ мѣстамъ не только интересны, но необходимы и даже обязательны. Сколько высокаго удовлетворенія даютъ они душѣ, сколько дорогихъ воспоминаній и впечатлѣній остается отъ нихъ на всю жизнь, сколько пользы для священника приносить сообщество съ крестьянами, въ раздѣленіи съ ними походной жизни, ея прелестей и неудобствъ, съ какимъ духовнымъ подъемомъ вступаешь послѣ воѣздки въ прерванную на нѣсколько дней приходскую работу, и какъ приятно это духовное освѣженіе. Слава Богу за все!

Священникъ *Владимиръ Матышукъ*.